

Теодор
ДРАЙЗЕР

ТИТАН

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д 72

Перевод с английского
Валентины Курелла (гл. I, IV–XIX, XLV–XLVIII),
Татьяны Озерской (гл. II, III, XX–XLIV, XLIX–LXII)

Серийное оформление Евгения Савченко

- © В. Н. Курелла (наследники), перевод, 2021
- © Т. А. Озерская (наследники), перевод, 2021
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-20369-3

ГЛАВА I

Новый город

Когда Фрэнк Алджернон Каупервуд вышел из филладельфийской исправительной тюрьмы, он понял, что с прежней жизнью в родном городе покончено. Прошла молодость, а вместе с ней рассыпались в прах его первые дерзкие финансовые замыслы. Придется все начинать сначала.

Не стоит повторять рассказ о том, как новая паника, последовавшая за грандиозным банкротством фирмы «Джей Кук и К^о», принесла Каупервуду новое богатство. После этой удачи его ожесточение несколько улеглось. Сама судьба, казалось, пеклась о нем. Однако карьера биржевого спекулянта внушала ему теперь непреодолимое отвращение, и он решил отказаться от нее раз и навсегда. Лучше заняться чем-нибудь другим: городскими железными дорогами, скупкой земельных участков — словом, умело использовать все безграничные возможности, которые сулит Запад. Филадельфия ему опротивела. Пусть он свободен и снова богат, но ему не избежать злословия лицемеров, так же как не проникнуть в финансовые и светские круги местного общества. Он должен идти своим путем один, ни на кого не рассчитывая, ибо если кто-нибудь из старых друзей и захочет помочь ему, то предпочтет сделать это втайне и следить за его действиями издалека. Все эти соображения побудили Каупервуда уехать. Его очаровательная любовница — ей едва исполнилось двадцать шесть лет — пришла на вокзал его проводить. Каупервуд смотрел на нее с нежностью: она была олицетворением той женской красоты, которая всегда его волновала.

— Ну, до свиданья, дорогая, — сказал он ей с ободряющей улыбкой, когда раздался звонок. — Скоро все наши неприятности кончатся. Не грусти. Через две-три недели я вернусь или

ты приедешь ко мне. Я бы и сейчас взял тебя с собой, но я еще не знаю, как он выглядит, этот Запад. Мы решим, где нам поселиться, и тогда ты увидишь, умею ли я добывать деньги. Не вечно же нам жить как прокаженным. Я добьюсь развода, мы поженимся, и все будет хорошо. С деньгами не пропадешь.

Он посмотрел ей в глаза спокойным, испытующим взглядом, а она, сжав ладонями его лицо, воскликнула:

— Как я буду скучать без тебя, Фрэнк! Ведь ты для меня все!

— Через две недели я вернусь или пришлю телеграмму, — улыбаясь, повторил Каупервуд, когда поезд тронулся. — Будь умницей, детка.

Она ответила ему взглядом, полным обожания; избалованное дитя, всеобщая любимица в семье, натура страстная, пылкая, преданная, Эйлин принадлежала к тому типу женщин, который не мог не нравиться столь сильному человеку, как Каупервуд. Тряхнув копной рыжевато-золотистых волос, она послала ему вдогонку воздушный поцелуй, круто повернулась и пошла широко, уверенным шагом, слегка покачивая бедрами; все встречные мужчины оглядывались на нее.

— Видал? — кивнул один станционный служащий другому. — Та самая — дочь старика Батлера. Нам бы с тобой такую, неплохо, а?

То была невольная дань восторга, которую зависть и вожделение неизменно платят здоровью и красоте. А страсти эти правят миром.

До этой поездки Каупервуд не бывал нигде западнее Питсбурга. Финансовые операции, которыми он занимался, при всем их размахе преимущественно протекали в косном и ограниченном мире филадельфийских дельцов, известном своей кастовостью, притязаниями на первое место в социальной иерархии и на руководящую роль в коммерческой жизни страны, своими традициями, наследственным богатством, приторной респектабельностью и теми вкусами и привычками, которые всем этим порождаются. Он почти завоевал этот чопорный мирок, почти проник в его святая святых, он уже был всюду принят, когда разразилась катастрофа. Теперь же он — бывший каторжник, всеми отверженный, хотя и миллионер. «Но погодите! В беге побеждает тот, кто быстрее всех, — твердил он себе. — В борьбе — самый ловкий и сильный. Еще посмотрим, кто кого одолевает». Не так-то просто его растоптать.

Чикаго открылся его взору внезапно на вторые сутки. Каупервуд провел две ночи среди аляповатой роскоши пульмановского вагона тех времен, в котором неудобства возмещались плюшевыми обивками и избытком зеркального стекла; наконец под утро стали появляться первые уединенные форпосты столицы прерий. Путь становилось все больше и больше, а паутина проводов на мелькавших в окне телеграфных столбах делалась все гуще и плотнее. На подступах к городу там и сям торчали одинокие домишки рабочих — жилище какого-нибудь предприимчивого смельчака, поставившего свою лачугу на голом месте в надежде пусть на маленький, но верный доход, который принесет ему этот клочок земли, когда город разрастется.

Вокруг стлалась гладкая, как скатерть, равнина со скудной порослью порыжелой прошлогодней травы, слабо колыхавшейся на утреннем ветру. Но местами пробивалась и молодая зелень — знамя наступающего обновления, предвестник весны. Воздух в этот день был необычайно прозрачен, и сквозь его чистый хрусталь неясные очертания далекого города проступали, словно контуры мушки в янтаре, волна Каупервуда тонким изяществом рисунка. Коллекция картин, собранная им, а затем пущенная с молотка в Филадельфии, доставила ему столько радостей и огорчений, что он пристрастился к живописи, решил стать настоящим знатоком и научился понимать красоту, когда встречал ее в жизни.

Железнодорожные колеи разветвлялись все чаще. На путях стояли тысячи товарных вагонов, желтых, красных, синих, зеленых, белых, пригнанных сюда со всех концов страны. В Чикаго, вспомнилось Каупервуду, словно меридианы к полюсу, сходятся тридцать железнодорожных линий. Низенькие деревянные одноэтажные и двухэтажные домики, как видно недавно построенные и часто даже неоштукатуренные, были уже покрыты густым слоем копоти, а порою и грязи. У переездов, где скапливались вагоны конки, фургоны, пролетки с налипшей на колесах глиной, внимание Каупервуда привлекли прямые немощенные улицы, неровные тротуары: тут — ступеньки и аккуратно утрамбованная площадка перед домом, там — длинный настил из досок, брошенных прямо в грязь девственной прерии. Ну и город! Внезапно показался рукав грязной, кичливой и самонадеянной речонки Чикаго. По ее черной маслянистой воде, пофыркивая, бойко сновали буксиры, вдоль берегов возвыша-

лись красные, коричневые, зеленые элеваторы, огромные желто-рыжие штабеля леса и черные горы антрацита.

Жизнь тут была ключом — он это сразу почувствовал. Строящийся город бурлил и кипел. Даже воздух здесь, казалось, был насыщен энергией, и Каупервуду это пришлось по душе. Как тут все не похоже на Филадельфию! Тот город тоже по-своему хорош, и когда-то он представлялся Каупервуду огромным волшебным миром, но этот угловатый молодой великан при всем своем безобразии был неизмеримо лучше. В нем чувствовались сила и дерзание юности. Поезд остановился, пока разводили мост, чтобы пропустить в оба направления с десятков груженых лесом и зерном тяжелых барж, и в ярком блеске утреннего солнца, лившегося в просвет между двумя грудями каменного угля, Каупервуд увидел у стены лесного склада группу отдохнувших на берегу ирландских грузчиков. Бронзовые от загара, могучие здоровяки в красных и синих жилетках, подпоясанные широкими ремнями, с короткими трубками в зубах, они были великолепны. «Чем это они мне так понравились?» — подумал Каупервуд. Каждый уголок этого грубого, грязного города был живописен. Все здесь, казалось, пело. Мир был молод. Жизнь создавала что-то новое. Да стоит ли вообще ехать дальше на северо-запад? Впрочем, это он решит после.

А пока ему надо навестить нескольких влиятельных чикагских дельцов, к которым у него имелись рекомендательные письма. Нужно встретиться и потолковать со здешними банкирами, хлеботорговцами, комиссионерами. Его интересовала Чикагская фондовая биржа; все тонкости биржевых махинаций он знал насквозь, а в Чикаго заключались самые крупные сделки на хлеб.

Прогрёмев по задворкам невзрачных домишек, поезд наконец остановился у одного из многочисленных дощатых перронов. Под грохот выгружаемых сундуков и чемоданов, пыхтение паровозов, гомон снующих взад и вперед пассажиров Каупервуд выбрался на Канал-стрит и подозвал кеб, — они стояли здесь целой вереницей, свидетельствуя о том, что Чикаго — город отнюдь не провинциальный. Каупервуд велел везти себя в «Гранд-Пасифик». Это была самая дорогая гостиница, где останавливались только состоятельные люди, и потому он уже заранее решил избрать именно ее. Дорогой он внимательно рассматривал

улицы, словно картины, которые хотел бы купить. Навстречу ему попадались желтые, голубые, зеленые, белые и коричневые вагончики, худые, как скелет клячи. Каупервуда это взволновало. Вагончики были совсем дрянные — просто ярко размалеванные фанерные ящики со вставленными в них стеклами и приделанными кое-где блестящими медными бляхами, но он понимал, что, когда город разрастется, на конке можно будет нажать миллионы. Городские железные дороги были его призванием. Ни маклерские операции, ни банкирская контора, ни даже крупная игра на бирже не привлекали его так, как городские железные дороги, открывавшие широчайшие возможности для хитроумных манипуляций.

ГЛАВА II

Разведка

Чикаго — город, с развитием которого так неразрывно будет связана судьба Фрэнка Алджернона Каупервуда! Кому достанутся лавры завоевателя этой Флоренции западных штатов? Город, подобный ревущему пламени, город — символ Америки, город-поэт, в штанах из оленьей кожи, суровый, неотесанный титан, Бёрнс среди городов! На берегу мерцающего озера лежит этот город-король в лохмотьях и заплатах, город-мечтатель, ленивый оборванец, слагающий легенды, — бродяга с дерзаниями Цезаря, с творческой силой Еврипида. Город-бард — о великих чаяниях и великих достижениях поет он, увязнув грубыми башмаками в трясине обыденного. Гордись своими Афинами, о Греция! Италия, восхваляй свой Рим! Перед нами Вавилон, Троя, Ниневия нового века! Сюда, дивясь всему, исполненные надежд, шли переселенцы из западных штатов и восточных. Здесь голодные и алчущие труженики полей и фабрик, лелея мечту о необыкновенном и несбыточном, создали себе столицу, сверкающую кичливой роскошью среди грязи.

Из Нью-Йорка, Вермонта, Нью-Хэмпшира, Мэна стекался сюда странный, разношерстный люд; решительные, терпеливые, упорные, едва затронутые цивилизацией, все эти пришельцы жаждали чего-то, но не умели постичь подлинной ценности

того, что им давалось, стремились к славе и величию, не зная, как их достигнуть. Сюда шел утонченный мечтатель, лишившийся своего родового поместья на юге; исполненный надежд питомец Йельского, Гарвардского или Принстонского университета; вольнолюбивый рудокоп Калифорнии и Скалистых гор с мешочком серебра или золота в руках.

И здесь уже были растерянные иностранцы — венгры, поляки, шведы, немцы, русские. Смущенные незнакомой речью, опасливо поглядывая на своего соседа чуждой национальности, они селились колониями, чтобы жить среди своих.

Здесь были проститутки, мошенники, шулера, искатели приключений *par excellence*¹. Этот город наводняли подонки всех городов мира, среди которых тонула жалкая горстка местных уроженцев. Ослепительно сверкали огни публичных домов, звенели банджо, цитры и мандолины в барах. Сюда, как на пир, стекались самые дерзновенные мечты и самые низменные вожделения века и пировали всласть в этом чудо-городе — центре западных штатов.

В Чикаго Каупервуд прежде всего отправился к одному из наиболее видных дельцов — председателю правления крупнейшего в городе банка «Лейк-Сити-Нейшнл», вклады которого превышали четырнадцать миллионов долларов. Банк помещался на Дирборн-стрит, в Мунро, всего в двух-трех кварталах от гостиницы, где остановился Каупервуд.

— Узнайте, кто этот человек, — приказал мистер Джуд Эддисон, председатель правления, своему секретарю, увидев входившего в приемную Каупервуда.

Кабинет был устроен так, что мистер Эддисон, не вставая из-за письменного стола, мог видеть сквозь внутреннее окно всякого, кто входил к нему в приемную, прежде чем тот видел его, и волевое, энергичное лицо Каупервуда сразу заинтересовало банкира. Каупервуд в любых обстоятельствах умел держаться уверенно и непринужденно, чему немало способствовало его длительное и тесное общение с миром банковских дельцов и прочих финансовых воротил. Для своих тридцати шести лет он был на редкость проницателен и умудрен житейским опытом. Любезный, обходительный, он вместе с тем всегда умел поставить на своем. Особенно обращали на себя внимание его глаза —

¹ Преимущественно (фр.).

красивые, как глаза ньюфаундленда или шотландской овчарки, и такие же ясные и подкупающие. Взгляд их был то мягок и даже ласков, исполнен сочувствия и понимания, то вдруг твердел и, казалось, метал молнии. Обманчивые глаза, непроницаемые и в то же время чем-то влекущие к себе людей самого различного склада.

Секретарь вернулся с рекомендательным письмом, а следом за ним вошел и сам Каупервуд.

Мистер Эддисон невольно привстал — он делал это далеко не всегда.

— Рад познакомиться с вами, мистер Каупервуд, — учтиво произнес он. — Я обратил на вас внимание, как только вы вошли в приемную. У меня тут, видите ли, окна устроены так, чтобы я мог все обозревать. Присядьте, пожалуйста; может быть, вы не откажетесь от хорошего яблочка? — Он выдвинул левый ящик стола, вынул оттуда несколько блестящих красных яблок и протянул одно из них Каупервуду. — Я каждое утро съедаю по яблоку.

— Нет, благодарю вас, — вежливо отвечал Каупервуд, внимательно приглядываясь к банкиру и стараясь распознать характер этого человека и глубину его ума. — Я никогда не ем между завтраком и обедом, премного благодарен. В Чикаго я проездом, но решил не откладывая явиться к вам с этим письмом. Я полагаю, что вы не откажетесь рассказать мне вкратце о вашем городе. Я ищу, куда бы повыгоднее поместить капитал.

Пока Каупервуд говорил, Эддисон, грузный, коренастый, краснощекий, с седеющими каштановыми бакенбардами, пышно разросшимися до самых ушей, и колючими серыми блестящими глазками, благополучный, самодовольный, важный, жевал яблоко и задумчиво разглядывал посетителя. Эддисон, как это нередко бывает, привык с первого взгляда составлять себе мнение о том или ином человеке и гордился своим знанием людей. Как ни странно, но этот расчетливый делец с удивительным для него легкомыслием сразу пленился Каупервудом, личностью куда более сложной, чем он сам, и не потому, что Дрексель писал о нем как о «бесспорно талантливом финансисте», который, обосновавшись в Чикаго, может принести пользу городу, — нет, Эддисона загнипотизировали необыкновенные глаза Каупервуда. Несмотря на его внешнюю сухость, в Каупервуде было что-то располагающее, и банкир не остался к этому нечувстви-

телен; оба они, в сущности, были, что называется, себе на уме — только филладельфиец обладал умом, дальновидностью и коварством в несравненно больших размерах. Эддисон, усердный прихожанин своей церкви и примерный гражданин на взгляд местных обывателей, был, попросту говоря, ханжа. Каупервуд же всегда брезговал носить такую маску. Каждый из них стремился взять от жизни все, что мог, и каждый на свой лад был жесток и беспощаден. Но Эддисон не мог тягаться с Каупервудом, ибо им всегда владел страх: он боялся, как бы жизнь не выкинула с ним какой-нибудь штуки. Его собеседнику этот страх был неведом. Эддисон умеренно занимался благотворительностью, внешне во всем придерживался тупой, общепринятой рутины, притворялся, что любит свою жену, которая ему давно опостылела, и тайком предавался незаконным утехам. Человек же, сидевший сейчас перед ним, не придерживался никаких установленных правил, не делился своими мыслями ни с кем, кроме близких ему лиц, которые всецело находились под его влиянием, и поступал только так, как считал нужным.

— Видите ли, мистер Каупервуд, — сказал Эддисон, — мы здесь, в Чикаго, такого высокого мнения о наших возможностях, что иной раз боишься сказать то, что думаешь, — боишься, как бы тебя не сочли чересчур самонадеянным. Наш город — вроде как младший сын в семье, который уверен, что он всех может заткнуть за пояс, да не хочет пробовать свои силы до поры до времени. Его нельзя назвать красавцем — он угловат, как все подростки, — но мы знаем, что он еще выровняется. Каждые полгода этот молодчик вырастает из своих штанов и башмаков, из своей шапки и курточки и не может поэтому выглядеть франтом, но под неказистой одеждой у него крепкие кости и упругие мышцы, и вы не замедлите убедиться в этом, мистер Каупервуд, как только присмотритесь к нему поближе. Вы поймете, что внешность большой роли не играет.

Круглые глазки мистера Эддисона сузились, взгляд его на мгновение стал еще более колючим. В голосе зазвучали металлические нотки. Каупервуд понял, что Эддисон искренне влюблен в свой город: Чикаго был ему дороже всякой любовницы. Вокруг глаз банкира побежали лучистые морщинки, рот обмяк, и лицо расплылось в улыбке.

— Рад буду поделиться с вами всем, что знаю, — продолжал он. — У меня есть о чем порассказать.

Каупервуд поощрительно улыбнулся в ответ. Он стал спрашивать о развитии различных отраслей промышленности, о состоянии торговли и ремесел. Обстановка здесь была иная, нежели в Филадельфии. В Чикаго чувствовалось больше широты, больше простора. Стремление к росту, к использованию всех местных возможностей было типичным для западных штатов, что уже само по себе нравилось Каупервуду, хотя он и не решил, стоит или не стоит принять участие в этой деятельной жизни. Но так или иначе, она благоприятствовала его планам. Каупервуду предстояло еще избавиться от клейма бывшего арестанта и освободиться от жены и двоих детей, только юридически разумеется, — у него не было намерения бросить их на произвол судьбы. Деятельный, молодой и смелый Средний Запад скорее мог простить ему ту дерзость, с какою он игнорировал современный кодекс морали и отказывался ему подчиняться. «Мои желания прежде всего» — было девизом Каупервуда, но, чтобы жить согласно этому девизу, необходимо было преодолевать предубеждения других и уметь противостоять им. Каупервуд почувствовал, что сидящий перед ним банкир если и не стал воском в его руках, то все же склонен вступить с ним в дружеские и весьма полезные для него отношения.

— Ваш город произвел на меня самое благоприятное впечатление, мистер Эддисон, — помолчав, сказал Каупервуд, прекрасно сознавая, впрочем, что его слова не вполне соответствуют истине; он не был уверен, хватит ли у него духу обосноваться среди этих строительных лесов и котлованов. — Я видел его лишь из окна вагона, но мне понравилось, что жизнь здесь у вас бьет ключом. По-моему, у Чикаго большое будущее.

— Вы, насколько я понимаю, прибыли через форт Уэйн и, следовательно, видели худшую часть города, — сказал мистер Эддисон спесиво. — Разрешите мне показать вам более благоустроенные кварталы. Кстати, где вы остановились?

— В «Гранд-Пасифик».

— И долго рассчитываете пробыть в Чикаго?

— Дня два, не больше.

— Позвольте. — Мистер Эддисон вынул из кармана часы. — Вы не откажетесь, вероятно, познакомиться кое с кем из наиболее влиятельных людей нашего города? Мы все обычно завтракаем в клубе «Юнион-Лиг». У нас там свой кабинет. Если вы ничего не имеете против, пойдёмте со мной. Я собираюсь туда

к часу дня, и мы, несомненно, застанем там кого-нибудь из наших коммерсантов, крупных предпринимателей, судей и адвокатов.

— Вот и отлично, — сразу согласился филладельфиец. — Вы очень любезны. Но раньше мне хотелось бы повидаться еще кое с кем... — Каупервуд поднялся и взглянул на свои часы. — Я сумею найти ваш клуб. Кстати, вы не могли бы указать мне, где находится контора «Арнил и К°»?

При имени этого богача, оптового торговца мясом и одного из крупнейших вкладчиков его банка, Эддисон одобрительно закивал. В столь молодом еще дельце — Каупервуд был по меньшей мере лет на восемь моложе его самого — банкир сразу почувствовал будущего финансового магната.

После свидания с мистером Арнилом — осанистым, величественным, настороженно-неприятным — и беседы с изворотливым и хитрым директором биржи Каупервуд отправился в клуб «Юнион-Лиг». Там он застал довольно пестрое общество: люди самых разных возрастов — от тридцати пяти до шестидесяти пяти лет — завтракали за большим столом в отдельном кабинете, обставленном массивной резной мебелью из черного ореха; со стен на них смотрели портреты именитых чикагских горожан, а окна пестрели цветными стеклами — своеобразное притяжание на художественный вкус. Среди сидевших за столом были люди дородные и тощие, высокие и приземистые, темно-волосые и блондины; очертанием скул и выражением глаз некоторые напоминали тигра или рысь, другие — медведя, третьи — лисицу, попадались угрюмые бульдожки физиономии и лица снисходительно-величественные, смахивавшие на морды английских догов. Только слабых и кротких не было в этой избранной компании.

Мистер Арнил и мистер Эддисон — проницательные, изворотливые и целеустремленные дельцы — понравились Каупервуду. Помимо них, его заинтересовал Энсон Мэррил — маленький, сухопарый, изысканно вежливый человек, утонченный облик которого, казалось, свидетельствовал о праздной жизни нескольких поколений и невольно наводил на мысль о поместьях и ливрейных лакеях. Эддисон шепнул Каупервуду, что это знаменитый мануфактурный король и крупнейший оптово-розничный торговец в Чикаго.

Другой знаменитостью, остановившей на себе внимание Каупервуда, был мистер Рэмбо, железнодорожный магнат и зачи-

натель этого дела в Чикаго. Обращаясь к нему, Эддисон сказал с веселой улыбкой:

— Мистер Каупервуд прибыл сюда из Филадельфии, горя желанием оставить у нас часть своего капитала. Вот вам удобный случай сбыть с рук ту никудышную землю, которую вы скупили на Северо-Западе.

Рэмбо, бледный, худощавый, с черной бородкой и быстрыми, точными движениями, одетый, как успел заметить Каупервуд, с большим вкусом, чем другие, внимательно оглядел его и учтиво улыбнулся сдержанной непроницаемой улыбкой. В ответ он встретил взгляд, надолго оставшийся у него в памяти. Глаза Каупервуда говорили красноречивее слов. И мистер Рэмбо, вместо того чтобы отделаться ничего не значащей шуткой, решил рассказать ему кое-что о Северо-Западе. Быть может, это заинтересует филадельфийца.

Для человека, только что вышедшего из трудной схватки с жизнью, испытавшего на себе все проявления порядочности и двоедушия, сочувствия и вероломства со стороны тех, кто в каждом американском городе вершит все дела, — для такого человека отношение к нему заправил другого города значит и очень много, и почти ничего. Каупервуд уже давно пришел к мысли, что человеческая природа, вне зависимости от климата и всех прочих условий, везде одинакова. Самой примечательной чертой рода человеческого было, по его мнению, то, что одни и те же люди, смотря по времени и обстоятельствам, могли быть чем угодно и ничем. В редкие минуты досуга Каупервуд — если только он и тут не был погружен в практические расчеты — любил поразмыслить над тем, что же такое, в сущности, жизнь. Не будь он по призванию финансистом и к тому же оборотистым предпринимателем, он мог бы стать философом крайне субъективистского толка, хотя занятия философией неизбежно должны были казаться человеку его склада довольно никчемными. Призвание Каупервуда, как он его понимал, было в том, чтобы манипулировать материальными ценностями или, точнее, их финансовыми эквивалентами и таким путем наживать деньги.

Он явился сюда с целью изучить основные нужды Среднего Запада — иными словами, с целью прибрать к рукам, если удастся, источники богатства и могущества и тем самым создать себе положение. У дельцов, с которыми он встретился

утром, Каупервуд успел почерпнуть нужные ему сведения о чикагских бойнях, о доходах железнодорожных и пароходных компаний, о чрезвычайном вздорожании земельных участков и всякого рода недвижимости, об огромном размахе спекуляции зерном, о растущих барышах владельцев отелей и скобяных лавок. Он узнал о существовании различных промышленных компаний: одна из них строила элеваторы, другая — ветряные мельницы, третья выпускала вагоны, четвертая — сельскохозяйственные машины, пятая — паровозы. Любая новая отрасль промышленности находила для себя благодатную почву в Чикаго. Из беседы с одним из членов правления торговой палаты, к которому у него тоже имелось рекомендательное письмо, Каупервуд узнал, что на Чикагской бирже почти не ведется операций с местными акциями. Сделки заключались главным образом на пшеницу, кукурузу и всякого рода зерно. Акции же предприятий восточных штатов местные дельцы оперировали только на нью-йоркской бирже, используя для этой цели арендованные телеграфные линии.

Присматриваясь к этим людям — все они были чрезвычайно учтивы и любезны, и каждый, тая про себя свои обширные замыслы и планы, ограничивался лишь общими, ни к чему не обязывающими замечаниями, — Каупервуд думал о том, как он преуспееет в этом обществе. На его пути стояло немало препятствий. Никто из этих господ, которые были с ним так предупредительны, не знал, что он недавно вышел из тюрьмы. В какой мере могло это обстоятельство повлиять на их отношение к нему? Никто из них не знал также, что он оставил жену и двоих детей и добивался развода, чтобы сочетаться браком с некоей молодой особой, уже присвоившей себе фактически роль его супруги.

— Так вы серьезно намерены побывать на Северо-Западе? — с нескрываемым интересом спросил под конец завтрака мистер Рэмбо.

— Да, я думаю съездить туда, как только покончу здесь с делами.

— В таком случае разрешите познакомить вас с людьми, которые могут быть вашими попутчиками. Большинство из них — здешние жители, но есть несколько приезжих из восточных штатов. Мы едем в четверг специальным вагоном, одни до

Фарго, другие до Дулута. Буду очень рад, если вы присоединитесь к нам. Сам я еду до Миннеаполиса.

Каупервуд принял предложение и поблагодарил. Затем последовала обстоятельная беседа о пшенице, скоте, строевом лесу, стоимости земельных участков, о неограниченных возможностях для открытия новых предприятий — словом, обо всем, чем манил к себе дельцов Северо-Запад. Разговор вертелся главным образом вокруг городов Фарго, Миннеаполиса и Дулута; обсуждались перспективы их промышленного роста, дальнейшего размещения капитала. Мистер Рэмбо, которому принадлежали железные дороги, уже изрезавшие вдоль и поперек этот край, твердо верил в его будущее. Каупервуд, с полуслова улавливая и запоминая все, что ему было нужно, получал весьма ценные сведения. Городские железные дороги, газ, банки и спекуляции земельными участками — вот что всегда и везде особенно привлекало к себе его внимание.

Наконец он ушел, так как ему предстояло еще несколько деловых встреч, но впечатление, произведенное его личностью, не изгладилось с его уходом. Мистер Эддисон, например, и мистер Рэмбо были искренне убеждены в том, что такого интересного человека им давно не приходилось встречать. А ведь он почти ничего не говорил — только слушал.

ГЛАВА III

Вечер в Чикаго

Посетив Эддисона в банке и отобедав затем запросто у него дома, Каупервуд пришел к выводу, что с этим финансистом не следует кривить душой. Эддисон был человеком влиятельным, с большими связями. К тому же он положительно нравился Каупервуду. И вот, побывав по совету мистера Рэмбо в Фарго, Каупервуд на пути в Филадельфию снова заехал в Чикаго и на другой же день с утра отправился к Эддисону, чтобы рассказать ему, смягчив, разумеется, краски, о своих филадельфийских злоключениях. От Каупервуда не укрылось впечатление, произведенное им на банкира, и он надеялся, что мистер Эддисон посмотрит на его прошлое сквозь пальцы. Он рассказал,

как филаделфийский суд по формальным уликам признал его виновным в растрате и как он отбыл срок наказания в Восточной исправительной тюрьме. Упомянул также о предстоящем ему разводе и о своем намерении вступить в новый брак.

Эддисон, человек не столь сильной воли, хотя по-своему тоже достаточно упорный, подивился смелости Каупервуда и его умению владеть собой. Сам он никогда не отважился бы на такую отчаянную авантюру. Эта драматическая повесть взволновала его воображение. Он видел перед собой человека, который, по-видимому, еще так недавно был унижен, втоптан в грязь, и вот он уже снова на ногах — сильный, решительный, уверенный в себе. Банкир знал в Чикаго многих весьма почтенных и уважаемых горожан, чье прошлое не выдержало бы слишком пристального изучения. Однако никого это не беспокоило. Некоторые из этих людей принадлежали к наиболее избранному обществу, другие не имели в него доступа, но все же обладали большим весом и влиянием. Почему же не дать Каупервуду возможности начать все сначала? Банкир снова внимательно поглядел на гостя: крепкий торс, красивое, холеное лицо с маленькими усиками, холодный взгляд... Мистер Эддисон протянул Каупервуду руку.

— Мистер Каупервуд, — сказал он, тщательно подбирая слова, — не буду говорить, как я польщен доверием, которое вы мне оказали. Я все понял и рад, что вы были со мной откровенны. Не стоит больше толковать об этом. Когда я впервые увидел вас у себя, я почувствовал, что вы человек незаурядный. Теперь я в этом убедился. Вам не нужно оправдываться передо мной. Я как-никак недаром пятый десяток живу на свете — жизнь меня кое-чему научила. Вы всегда будете желанным гостем в моем доме и почетным клиентом в моем банке. Посмотрим, как сложатся обстоятельства, будущее само подскажет нам, что следует предпринять. Я был бы рад, если бы вы поселились в Чикаго; правду сказать, вы сразу пришлись мне по душе. Если вы решите обосноваться здесь, я уверен, что мы будем полезны друг другу. А теперь — не думайте больше о прошлом, я же, со своей стороны, никогда и ни при каких обстоятельствах не стану о нем упоминать. Вам еще предстоит борьба, я желаю вам удачи и готов оказать всяческую поддержку, насколько это в моих силах. Итак, забудьте о том, что вы мне рассказали,

и, как только ваши семейные дела уладятся, приезжайте в гости и познакомьте нас с вашей женой.

Покончив с делами, Каупервуд сел в поезд, отправлявшийся в Филадельфию.

— Эйлин, — сказал он своей возлюбленной, встречавшей его на вокзале, — по-моему, Запад — это то, что нам с тобой нужно. Я проехал вплоть до Фарго и побывал даже в его окрестностях, но нам, пожалуй, не стоит забираться так далеко. Кроме пустынных прерий и индейцев, мне ничего не удалось там обнаружить. Что бы ты сказала, Эйлин, — добавил он шутливо, — если бы я поселил тебя в дощатой хибарке и кормил гремучими змеями на завтрак и сусликами на обед? Пришлось бы это тебе по вкусу?

— Конечно! — весело сказала она, прижимаясь к его плечу, — они уже сидели в закрытом экипаже. — Если бы ты это выдержал, так выдержала бы и я. С тобой я поеду хоть на край света, Фрэнк. Я закажу себе красивый индейский наряд, весь разукрашенный бусами и кусочками кожи, и головной убор из перьев — ну, знаешь, такой, как они носят, — и...

— Так я и знал! Ты верна себе! Главное — туалеты, даже в дощатой лачуге. Ничего с тобой не поделаешь.

— Ты бы очень скоро разлюбил меня, если бы я не заботилась о туалетах, — смеясь, отвечала Эйлин. — Ах, как я рада, что ты вернулся!

— Беда в том, — улыбаясь, продолжал Каупервуд, — что места эти не кажутся мне столь многообещающими, как Чикаго. Придется нам, как видно, поселиться в этом городе. Правда, часть капитала я разместил в Фарго — значит, время от времени нужно будет навещаться и туда, — но обоснуемся мы все-таки в Чикаго. Я не хочу никуда больше ездить один. Мне это надоело. — Он сжал ее руку. — Если нам не удастся вскоре добиться развода, я просто представлю тебя в обществе как мою жену, вот и все.

— А от Стеджера нет вестей? — спросила Эйлин.

Стеджер, поверенный Каупервуда, добивался у миссис Каупервуд согласия на развод.

— Нет, ни слова.

— Дурной признак, верно? — вздохнула Эйлин.

— Ничего, не огорчайся. Могло быть и хуже.

Каупервуду вспомнились дни, проведенные в филладельфийской тюрьме, и Эйлин подумала о том же. Затем он принялся рассказывать ей о Чикаго, и они решили при первой возможности переселиться туда, в этот западный город.

О последующих событиях в жизни Каупервуда скажем вкратце. Прошло около трех лет, прежде чем он, покончив наконец со своими делами в Филадельфии, обосновался в Чикаго. Эти годы были заполнены поездками из восточных штатов в западные и обратно. Сначала Каупервуд бывал главным образом в Чикаго, но затем стал все чаще наведываться в Фарго, где Уолтер Уэлпли, его секретарь, руководил строительством торгового квартала, прокладкой линии городской железной дороги и организацией ярмарки. Все эти многообразные начинания объединялись в одном предприятии, именовавшемся Строительной и транспортной компанией, во главе которой стоял Фрэнк Алджернон Каупервуд. На мистера Харпера Стеджера, филладельфийского адвоката Каупервуда, было возложено заключение контрактов.

Поселившись на некоторое время в Чикаго, Каупервуд снял номер в отеле «Тремонт», ограничиваясь пока что ввиду ложного положения Эйлин лишь краткими деловыми встречами с теми влиятельными лицами, с которыми он свел знакомство в свой первый приезд. Он внимательно приглядывался к чикагским биржевым маклерам, подыскивая солидного компаньона, уже имеющего свою контору, человека не слишком притязательного и честолюбивого, который согласился бы посвятить его в дела Чикагской биржи и ее заправил и ввел бы в курс местной деловой жизни. Как-то раз, отправляясь в Фарго, Каупервуд взял с собой Эйлин, и она свысока, с беспечной и скучающей миной смотрела на молодой строящийся город.

— Нет, ты только взгляни, Фрэнк! — воскликнула Эйлин, увидав простое бревенчатое здание четырехэтажной гостиницы. Длинная неказистая улица в торговом квартале, где склады кирпича уныло перемежались со складами лесоматериалов, произвела на нее удручающее впечатление. Не лучше были и другие части города. Вдоль немощеных улиц тянулись дома, между которыми зияли пустыри. — Неужели ты всерьез думал поселиться здесь? — Эйлин, разряженная, как всегда, в пух и прах, тщеславная, самоуверенная, в модном щегольском костюме, являла

странный контраст с озабоченными, суровыми, равнодушными к своей внешности жителями этого нового, буйно растущего города.

Эйлин недоумевала: где же она будет блистать, когда наконец пробьет ее час? Допустим даже, что Фрэнк страшно разбогатеет, станет куда богаче, чем был когда-то. Какой ей от этого прок здесь? В Филадельфии до своего банкротства, когда никто еще не подозревал о ее связи с ним, он начал было устраивать блестящие приемы. Будь она в то время его женой, ее бы с распростертыми объятиями приняло избранное филадельфийское общество. Но здесь, в этом городишке... Боже милостивый! Эйлин с отвращением сморщила свой хорошенький носик.

— Какая мерзкая дыра! — Больше у нее ничего не нашлось сказать о самом молодом, самом кипучем городе Запада.

Зато Чикаго, с его шумной и день ото дня все более суетливой жизнью, пришелся ей по душе. Каупервуд, хотя и был всецело поглощен своими финансовыми махинациями, все же не забывал и об Эйлин — заботился о том, чтобы она не скучала в одиночестве. Он просил ее ездить по магазинам и покупать все, что вздумается, а потом рассказывать ему о своих впечатлениях, и Эйлин делала это с превеликим удовольствием — разъезжала по городу в открытом экипаже, нарядная, красивая, в широкополой коричневой шляпе, выгодно оттенявшей ее бело-розовую кожу и червонное золото волос. Иногда вечерами Каупервуд возил ее кататься по главным улицам города. Когда Эйлин впервые увидела простор и богатство Прери-авеню, Норс-Шор-Драйв, Мичиган-авеню и новые, окруженные зелеными газонами особняки на бульваре Эшленд, она точно так же, как и Каупервуд, почувствовала, что по жилам у нее пробежал огонек, — мечты, надежды, дерзания этого города зажгли ей кровь. Все эти роскошные дворцы были отстроены совсем недавно. И все заправила Чикаго, подобно ее Фрэнку, лишь недавно стали богачами. Эйлин как будто даже забыла о том, что она еще не жена Каупервуда, и чувствовала себя его законной супругой. Улицы, окаймленные красивыми тротуарами из желтовато-коричневых плит, обсаженные молодыми деревцами; зеленые, гладко подстриженные газоны; серые макадамовые мостовые; чуть колеблемые июньским ветерком кружевные занавески в окнах, защищенных от солнца пестрыми полотняными маркизами, —

все это волновало воображение Эйлин. Как-то они катались по берегу озера, и она, глядя на молочно-голубую с зеленоватым отливом воду, на чаек, на белеющие вдаль паруса и новые нарядные дома вдоль берега, мечтала о том, что когда-нибудь станет хозяйкой одного из таких великолепных особняков. О, как важно будет она себя держать тогда, как роскошно одеваться! Они построят себе шикарный особняк, в сто раз лучше того, что был у Фрэнка в Филадельфии. Особняк — дворец с огромным балльным залом и огромной столовой, и они с Фрэнком будут давать в нем балы и обеды и как равные равных принимать у себя всех чикагских богачей!

— Как ты думаешь, Фрэнк, будет у нас когда-нибудь такой же красивый дом? — спросила она мечтательно.

— Вот слушай, что я надумал, — отвечал Каупервуд. — Если тебе нравится этот район, мы купим участок на Мичиган-авеню, но строиться подождем. А как только в Чикаго у меня появятся прочные связи и я решу, чем мне тут заняться, мы построим себе прекрасный дом, будь покойна. Прежде всего нужно уладить это дело с разводом и тогда уж начинать новую жизнь. А до тех пор, если мы хотим обосноваться здесь, нам лучше не привлекать к себе внимания. Ты согласна со мной?

Время близилось к шести часам, ослепительный летний день еще не начинал угасать, но зной спал, тень от домов на западной стороне улицы легла на мостовую, и воздух был теплый и ароматный, как подогретое вино. По улице длинной вереницей катились нарядные экипажи — катанье было любимой утехой чикагского «света» и для многих едва ли не единственной возможностью щегольнуть своим богатством (социальные прослойки города определились еще недостаточно четко). В позвякивании упряжи — медной, серебряной и даже накладного золота — слышался голос успеха или упования на успех. По этой улице, одной из главных артерий города — Виа Аппиа, его южной части, — спешили домой из деловых кварталов, с фабрик и из контор все ретивые охотники за наживой. Богатые горожане, лишь изредка встречавшиеся друг с другом на деловой почве, обменивались любезными поклонами. Нарядные дамы и молодые щеголи, дочери и сыновья чикагских богачей или их красавицы-жены в кабриолетах, колясках и новомодных ландо устремлялись к деловой части города, чтобы отвезти домой утомившихся за хлопотливый день мужей или отцов, дру-

зей или родственников. Здесь царила атмосфера успеха, надежд, беспечности и того самоуспокоения, которое порождается материальными благами, их обладанием. Выхоленные чистокровные рысаки пронеслись, обгоняя друг друга, по длинной, широкой, окаймленной газонами улице, мимо роскошных особняков, самодовольно кичливых, выставяющих напоказ свое богатство.

— О-о! — вскричала Эйлин при виде всех этих сильных, уверенных в себе мужчин, красивых женщин, элегантных молодых людей и нарядных девиц, улыбающихся, веселых, обменивающихся поклонами, — всего этого удивительного и показавшегося ей столь романтическим мира. — Я бы хотела жить в Чикаго. По-моему, здесь даже лучше, чем в Филадельфии.

При упоминании о городе, где он, несмотря на всю свою изворотливость, потерпел крах, Каупервуд крепко стиснул зубы, и его холеные усики, казалось, приобрели еще более вызывающий вид. Пара, которой он правил, была поистине бесподобна — тонконогие, нервные животные, горячие и капризные. Каупервуд терпеть не мог жалких, непородистых кляч. Когда он правил, держась очень прямо, в нем виден был знаток и любитель лошадей и его сосредоточенная энергия как бы передавалась животным. Эйлин сидела рядом с ним, тоже выпрямившись, горделивая и самодовольная.

— Правда, прелестна? — заметила одна из дам, когда коляска Каупервуда поравнялась с ее экипажем.

«Что за красotka!» — думали мужчины, и некоторые даже выражали эту мысль вслух.

— Видела ты ее? — восторженно спросил один мальчик-подросток у своей сестры.

— Будь покойна, Эйлин, — сказал Каупервуд с той железной решимостью, которая не допускает и мысли о поражении, — мы тоже найдем свое место здесь. Верь мне, у тебя в Чикаго будет все, чего бы ты ни пожелала, и даже больше того.

Все его существо в эту минуту, казалось, излучало энергию, и она, словно электрический ток, передавалась от кончиков его пальцев — через вожжи — лошадям, заставляя их бежать все резвее. Кони горячились и фыркали, закидывая головы.

У Эйлин распирало грудь от обуревавших ее желаний, надежд, тщеславия. О, скорей бы стать миссис Фрэнк Алджернон Каупервуд, хозяйкой роскошного особняка здесь, в Чикаго!

Рассылать приглашения, которыми никто не посмеет пренебречь, — приглашения, равносильные приказу!

«Ах, если бы... — вздохнула она про себя. — Если бы все это уже сбылось... скорей бы!»

Так жизнь, возведя человека на вершину благополучия, продолжает и там дразнить и мучить его. Впереди всегда остается что-то недостижимое, вечный соблазн и вечная неудовлетворенность.

О жизнь, надежды, юные года!
Мечты крылатые! Все гинет без следа.

ГЛАВА IV

«Питер Лафлин и К^о»

Компаньон, которого в конце концов подыскал себе Каупервуд в лице опытного старого маклера торговой палаты Питера Лафлина, не оставлял желать ничего лучшего. Лафлин, длинный как жердь, сухопарый старик, большую часть жизни провел в Чикаго, куда он явился еще совсем мальчишкой из штата Миссури. Это был типичный чикагский маклер старой школы, очень напоминавший лицом покойного президента Эндрю Джексона, и такой же долговязый, как Генри Клей, Дэви Крокет и «Длинный Джон» Уэнтворт.

Каупервуда с юности почему-то привлекали чудачки, да и они льнули к нему. При желании он мог приспособиться к любому человеку, даже если тот отличался большими странностями. В пору своих первых паломничеств на Ла-Саль-стрит Каупервуд справлялся на бирже о лучших агентах и, желая к ним приглядеться, давал им разные мелкие поручения. Таким образом он напал однажды на Питера Лафлина, комиссионера по продаже пшеницы и кукурузы. У старика была собственная небольшая контора на Ла-Саль-стрит, неподалеку от биржи. Он спекулировал зерном и акциями восточных железных дорог и выполнял подобные операции по поручениям своих клиентов. Лафлин, сметливый, прижимистый американец, предки которого, вероятно, были выходцами из Шотландии, обладал всеми типично американскими недостатками: он был неотесан, груб,

любил сквернословить и жевал табак. Каупервуд с первого же взгляда понял, что Лафлин должен быть в курсе дел всех сколько-нибудь видных чикагских коммерсантов и что уже по одному этому старик для него находка. Кроме того, по всему было видно, что человек он прямодушный, скромный, непритязательный, а эти качества Каупервуд ценил в компаньоне превыше всего.

За последние три года Лафлину раза два сильно не повезло, когда он пытался самолично организовать «корнеры»; и на бирже сложилось мнение, что старик робеет, проще говоря, стал трусоват. «Вот такой-то мне и нужен!» — решил Каупервуд и однажды утром отправился к Лафлину, чтобы открыть у него небольшой счет.

Входя в его просторную, но запущенную и пропыленную контору, Каупервуд услышал, как старик говорил совсем еще юному и необычайно сосредоточенному и мрачному с виду клерку — на редкость подходящему помощнику для Питера Лафлина:

— Сегодня, Генри, возьмешь мне акций «Питсбург—Эри». — Заметив стоявшего в дверях Каупервуда, Лафлин повернулся к нему. — Чем могу служить?

«Так он говорит „акций“». Недурно! — подумал Каупервуд и усмехнулся. — Старикан мне нравится».

Каупервуд представился как приезжий из Филадельфии и сказал, что интересуется чикагскими предприятиями, охотно купит любые солидные бумаги, имеющие шансы на повышение, но особенно желал бы приобрести пакет какой-нибудь компании — предпочтительно предприятий общественного пользования, размах деятельности которых с ростом города будет, несомненно, расширяться.

Старик Лафлин — ему уже стукнуло шестьдесят, — член торговой палаты и обладатель капитала тысяч в двести по меньшей мере, с любопытством взглянул на Каупервуда.

— Кабы вы, сударь мой, заявили сюда этак лет десять или пятнадцать назад, вам легко было бы вступить в любое дело. Тут и газовые общества учреждали — их прибрали к рукам эти молодчики Отвей и Аперсон, — тут и конку тогда проводили. Я сам надоумил Эди Паркинсона взяться за постройку линий на Северной Стэйт-стрит, доказал ему, что на ней можно заши-

бить немало денег. Он мне посулил тогда пачку акций, если дело выгорит, да так ничего и не дал. Я, впрочем, на это и не надеялся, — рассудительно добавил он и покосился на Каупервуда. — Я стреляный воробей, меня на мякине не проведешь. А теперь и его самого оттуда выгнали. Шайка Майкла и Кеннели ободрала его как липку. Да, годков десять-пятнадцать назад можно было живо конку к рукам прибрать. А сейчас и думать нечего. Сейчас акции продаются по сто шестьдесят долларов штука. Вот так-то, сударь мой!

Каупервуд любезно улыбнулся:

— Сразу видно, мистер Лафлин, что вы давно на Чикагской бирже. Вы так хорошо осведомлены даже о том, что здесь происходило десятки лет назад.

— С самого тысяча восемьсот пятьдесят второго года, сударь мой, да-с, — отвечал старик.

Густые жесткие волосы щетинились у него надо лбом наподобие петушиного гребня, длинный острый подбородок сильно выдавался вперед навстречу большому, с горбинкой носу, скулы резко выступали над впалыми и желтыми, как пергамент, щеками. А глаза были зоркие и пронзительные, как у рыси.

— По правде говоря, мистер Лафлин, — продолжал Каупервуд, — главная цель моего приезда в Чикаго — подыскать себе компаньона. Я сам занимаюсь банковскими и маклерскими операциями на востоке. У меня собственная фирма в Филадельфии, я член Нью-Йоркской и Филадельфийской фондовых бирж. Есть у меня кое-какие дела и в Фарго. Любая банкирская контора даст вам исчерпывающие сведения обо мне. Вы член здешней торговой палаты и, по всей вероятности, ведете операции на Нью-Йоркской и Филадельфийской биржах. Новая фирма, если только вы пожелаете войти со мной в компанию, могла бы заниматься всем этим непосредственно на месте. В Чикаго я человек новый, но я располагаю порядочным капиталом и вообще думаю здесь обосноваться. Не согласитесь ли вы стать моим компаньоном? Мы, пожалуй, уживемся в одной конторе, как по-вашему?

Когда Каупервуд хотел кому-нибудь понравиться, он имел обыкновение соединять ладони и постукивать кончиками пальцев друг о друга; при этом он улыбался, вернее сказать, сиял улыбкой — столько тепла и как будто даже приязни светилось в его глазах.

Драйзер Т.

Д 72 Титан : роман / Теодор Драйзер ; пер. с англ. В. Курелла, Т. Озерской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 576 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-20369-3

Одним из центральных произведений классика американской литературы Теодора Драйзера стала так называемая «Трилогия желания», рассказывающая о жизни бизнесмена Фрэнка Каупервуда, у которого был прототип в реальной жизни — крупный финансист миллионер Чарльз Йеркс. Написанные в увлекательной манере, романы «Финансист», «Титан» и «Стоик» содержат в себе все необходимые ингредиенты великолепной литературы: психологизм, умело закрученный сюжет, любовные страсти и яркую картину таинственного мира большого бизнеса.

В романе «Титан», второй части «Трилогии желания», Фрэнк Каупервуд прибывает в Чикаго, испытывая неумную жажду наживы. Он движется к своей цели, пренебрегая другими людьми, исповедуя правило «все средства хороши». Привыкший добиваться своего, он действует по одной схеме в политике, финансах и любви, и ничто, казалось бы, не в силах его остановить.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР
ТИТАН

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Александр Балабанов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.10.2021. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 8000 экз. Усл. печ. л. 30,24. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AMC-29228-01-R